

Рассказ А.П. Чехова «Именины»: ложь и правда жизни

The Chekhov's story "Name-Day": a lie and the truth of life

Андреев А.Н.

д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва
e-mail: andreev58@gmail.ru

Andreev A.N.

Doctor of Philological Sciences, Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)
e-mail: andreev58@mail.ru

Кащенко Т.Л.

канд. филос. наук, доцент, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ), г. Москва, РФ
e-mail: tanyakashc@mail.ru

Kashchenko T.L.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)», Moscow
e-mail: tanyakashc@mail.ru

Аннотация

Анализ рассказа «Именины» направлен на то, чтобы подобрать идеологический ключ к А.П. Чехову. По мнению авторов, он заключается в следующем тезисе: верю в добро – но не верю в человека, хотя изо всех сил хочу верить. Подобное кредо и делает героев А.П. Чехова по своему «лишними».

Ключевые слова: А.П. Чехов, рассказ, бессознательное, любовь, счастье, ложь, правда.

Abstract

The analysis of the story “Name-day” is aimed at finding the ideological key to Chekhov. According to the authors, it consists in the following thesis: I believe in good - but I do not believe in man, although I want to believe with all my might. Such a credo makes Chekhov's heroes “superfluous” in their own way.

Keywords: Chekhov, story, unconscious, love, happiness, lie, truth.

А.П. Чехов, единожды поняв, никогда не уклонялся от ностальгии по *общей идее* и все *зацепки*, которые в той или иной степени воплощали идею генеральную, искомую, высмеивал беспощадно: от мягкой иронии до вполне ядовитого сарказма – вот воинственный арсенал комической палитры. Такое впечатление, что у него были личные счёты с узколобостью идеологии. Да иначе и быть не могло: это даже не путь Чехова, это универсальный путь духовного становления любой личности. Чехов интересен как раз тем, что во множестве вариантов представил коренной духовный архетип.

Все его рассказы об одном и том же: о несовершенстве и скудности жизни, о торжестве пошлости, о самовлюбленности зацепившихся, о разочаровании прозревших. Вариантов – много, стержень – один.

Обратимся к интересному рассказу «Именины» (1888) [1]. В письме к А.Н. Плещееву от 9 октября 1888 г. Чехов разъясняет (отвечая на замечание, что в «Именинах» не видно

«никакого направления», что в нем нет «симпатий и антипатий»): «Но ведь я *уравновешиваю* не консерватизм и либерализм, которые не представляют для меня главной сути, а *ложь героев с их правдой*». Не в бровь, а в глаз. Не идеологии интересуют Чехова, а некая гуманитарная сфера и стезя, где перестают срабатывать зацепки идеологий – но где «до правды еще далеко».

Главным камертоном правды, чутким инструментом или органом, болезненно реагирующим на малейшую ложь и фальшь в малом и великом, выступает жена именинника Ольга Михайловна. Она беременна, иными словами, готовится дать жизнь «маленькому человечку», которому предстоит жить среди лжи. Для нее это, конечно, не «именины сердца», не рутинное мероприятие, а попытка в очередной раз совместить жизнь с высоким смыслом.

Разумеется, альтернативой «лживой» культурной природе человека выступает «честная» натура. Однажды Ольга Михайловна нечаянно застала своего мужа, Петра Дмитрича, с хорошенькой Любочкой Шеллер, романтически настроенной девочкой семнадцати лет.

Строго говоря, ничего «такого», «ничего особенного» не было. Но была ложь, невинная, впрочем, даже естественная. И Ольга Михайловна решает безотлагательно высказать мужу все, что она думает о его лживом поведении: «гадко, без конца гадко, что он нравится чужим женщинам и добивается этого, как манны небесной; несправедливо и нечестно, что он отдает чужим то, что по праву принадлежит его жене, прячет от жены свою душу и совесть, чтобы открывать их первому встречному хорошенькому личику».

Самое интересное в этой ситуации заключалось в том, что и она лгала, ибо не ложь Петра Дмитрича ее волновала всерьез, а ревность.

Далее ложь мужа порождает и провоцирует ложь жены – и, в конце концов, наши герои запутались. У Чехова за каплей ощутим океан, за отношением мужа и жены – модель всеобщих отношений, модель культурного общения как такового. Ложь космически расширяется. Ольга Михайловна буквально физически страдает от этого, и дело кончилось тем, что любящие супруги из-за пустяковых, надуманных проблем потеряли ребенка. Все заканчивается выкидышем, отчаянием Петра Дмитриевича и «тупым равнодушием к жизни» Ольги Михайловны. Кто виноват в том, что так случилось? Ольга Михайловна? Петр Дмитрич?

Это не вопрос персоналий. Не в первый раз в мировой литературе под судом оказывается судья (повествователь). Это вопрос модели отношений с миром, с собой и другими.¹ Повествователь решет этот вопрос в общей плоскости. Его коробит уже то, что человек лжив по определению, не может быть не лжив. А ведь это, в сущности, некий абстрактный гуманизм, в высшей степени лживый и лицемерный по отношению к реальному человеку. И рассказ получился назидательным и поучительным, с привкусом абсолюта, к которому тяготеют схемы.

Диалектика художественного сознания такова, что как только она, эта самая диалектика, становится предметом исследования, аналитик будет вынужден писать уже не рассказ, а статью, трактат, на худой конец, эссе. В рассказе можно сколь угодно диалектически переживать совершенство или удручающую примитивность человека, нельзя только объяснить его природу. Сравним объяснения Чехова, данные им в письме к А.Н. Плещееву, и сам рассказ. Протест против лжи – это прекрасно и благородно, кто будет спорить. Однако протест против лжи есть одновременно протест против жизни. А так ли невинна угроза жизни – это уже спорный вопрос. Рассказ не идет так глубоко именно потому, что Чехов в очень незначительном объеме затронул главный нерв культуры: пересечение психики и сознания. Его модель оказалась тенденциозна, моралистична и

¹ А.П. Чехов рассматривает человеческие отношения в довольно непростой для России исторический период. Подробнее о социально-экономической ситуации в период написания рассказа и жизни его героев см. [3; 4; 5].

малопригодна в качестве универсальной (все истинно великое – универсально). Никому не позволительно пренебрегать живой диалектикой.

Отсюда рукой подать до того типа героев, у которых смешение лжи с правдой приводит к мировоззренческому шоку и страху жизни. Петр Михайлыч Ивашин (из рассказа Чехова «Соседи») делится сокровенным: «...я говорю и делаю не то, что думаю; *да и не знаю наверное, что собственно я думаю...*». Повествователь бессилён справиться с «задумавшимся» персонажем и обреченно, в унисон, комментирует: «...вся жизнь представлялась ему теперь такую же *темной*, как эта вода, в которой отражалось ночное небо и перепутались водоросли. И казалось ему, что этого нельзя поправить». Самодостаточный и гениальный образ темного сознания и вечных сумерек души. Вся ситуация, которую переживает Ивашин и с которой он не может справиться умом, «показалась ему невероятным *абсурдом*». Иначе говоря, разум не в силах помочь разобраться в темных смыслах. Кто прав, кто виноват, где точка отсчета? Точка отсчета у Чехова, вокруг которой можно было бы сомкнуть и обобщить идеи, – упорно не выкристаллизовывается.

Дело в том, что умствующие герои с университетским образованием не могут найти смысл, потому что его нет, а им кажется, что они должны это сделать. Смысл в том, что смысла нет, а жить надо без страха и упрёка. А просто, т.е. бессмысленно, жить они уже разучились или ещё не научились. Вот таким героям – альтернатива Пржевальский (символический культурный герой Чехова). А тем, кому жизнь не мешает думать, – Пржевальский не указ.

Литература

1. Рассказ цитируется по изданию: Чехов А.П. Собр.соч. в 8-ми томах, т. 6. – М., «Правда», 1970. Курсивом в цитатах выделено мной – А.А.
2. Андреев А.Н., Кащенко Т.Л. Рассказ А.П. Чехова «Три года»: притча о метаморфозах. Журнал филологических исследований. – 2019. – № 1. – С. 8–11.
3. Гладков И.С., Зорина И.Ю. Генезис российской промышленности//Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 34. – С. 81–86.
4. Гладков И.С., Зорина И.Ю. Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков//Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 72–76.
5. Гладков И.С., Пилюян М.Г. История мировой экономики: Научное издание/2-е издание. – М.: ИЕ РАН, Проспект. 2016. – 384 с.
6. Кащенко Т.Л., Положенцева И.В., Пилюян М.Г. Феномен исторической памяти в XXI в//Журнал исторических исследований. – 2019. – Т. 4. – № 1. – С. 46–50.
7. Пилюян М.Г. Домашнее образование дворянок как важнейшая составляющая женского образования в России: исторические особенности//Журнал исторических исследований. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 42–48.
8. Пилюян М.Г. Зарождение женского образования в Российской империи//Журнал педагогических исследований. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 1–7.
9. Пилюян М.Г. Формирование организационных принципов системного развития науки и образования в России по идеям Г.В. Лейбница//Журнал исследований по управлению. – 2018. – Т. 4. – № 7. – С. 68–75.
10. Положенцева И., Кащенко Т. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. – 2014. – № 12. – С. 42–47.